

ТВОЙ ИЛЛЮЗОРНЫЙ МИР

ЖУРНАЛ РАССКАЗЫ

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Дарья Леднева

**Журнал «Рассказы».
Твой иллюзорный мир**

«Крафтовая литература»

2022

Леднева Д.

Журнал «Рассказы». Твой иллюзорный мир / Д. Леднева —
«Крафтовая литература», 2022 — (Крафтовый литературный
журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6046114-0-1

Когда весеннее солнце озаряет мир светом, чудеса обращаются в явь.
Приглядиись! Тут люди без ртов строят новую жизнь, и каждый символ в
значении, что целый язык. Вот смерть ходит рядом, а здесь мелькнет лисий
хвост и оставит за собой яркий след. И сон, этот сон, где душа человека, как
тончайшая зеркальная гладь. Добро пожаловать в Твой иллюзорный мир!
Не забудь предъявить на входе билет. 5 незабываемых рассказов в жанре
приключенческой фантастики и фэнтези.

ISBN 978-5-6046114-0-1

© Леднева Д., 2022
© Крафтовая литература, 2022

Содержание

Билет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Сергей Колесников, Надежда
Мосеева, Татьяна Шохан,
Дарья Леднева, Степь и Мороз**
Журнал «Рассказы». Твой иллюзорный мир
Издательство Крафтовая литература

* * *

*Просыпаются силы
Делать сказку былью
Неизвестный автор*

Билет

Сергей Колесников

1

Я так и не поняла, откуда взялась эта женщина. Только что впереди было пустое пространство, каких-то десять метров, лишенных любого препятствия, – как вдруг чья-то фигура замаячила перед моими глазами. Конечно, незнакомка могла проскользнуть мимо, когда я замедлила шаг, чтобы переложить сумку в другую руку и взглянуть на часы, но было трудно не заметить появления постороннего хотя бы краем глаза. Тем более что двигалась старуха неспешно, заметно прихрамывая на левую ногу.

То, что это именно старуха, я решила сразу. Хлипкий демисезонный плащ, тощие икры в штопанных колготках, давно выцветший платок. Униформа «последней лиги». Даже в холод лучше околоть, чем показаться в таком виде на людях! И подошвами корюзлых ботинок на весь зал... Шарк, шарк.

Я бросила взгляд на потрепанный саквояж женщины, небольшой, куда можно запихнуть только самое необходимое, и у меня мелькнула мысль, что старуха – такая же беглянка, как и я, в одночасье сорвавшаяся с насиженного места. Впрочем, размышлять над столь неважными вопросами времени не было. Билет на поезд оставался только один, и другой возможности сбежать из этого захолустья не представлялось. Тем более сегодня.

О том, что почти все места распроданы, я узнала несколько минут назад, когда с десятого раза дозвонилась до привокзальной кассы.

– Не оставляем! – голос в трубке равнодушно шлепнул по моей настырно жужжащей просьбе. – Приходите и забирайте!

«И приду, и заберу!»

Я выскочила из телефонной будки и быстро зашагала в сторону похожего на малиновый кисель заката. Где-то там, в лапах бесчувственной железнодорожной феи трепыхался заветный клочок бумаги, и я должна была во что бы то ни стало получить его. Когда же на вечернюю тишину наступил гудок паровоза, я не выдержала и со всех ног бросилась бежать через мало-знакомые дворы, сквозь запах черемухи и щей из кислой капусты, под свист подвыпивших гуляк. Под стук разбитого вдребезги сердца.

Мне повезло. Я не сломала себе шею. Не нарвалась на стаю бродячих собак или хулиганов. Я даже угадала с направлением. И касса оказалась открыта. Только...

Старуха! Такая жалкая. Маяк для социальных служб, а не человек вклинился между мной и заветным билетом.

«Да куда же тебя несет на ночь глядя! – Я с раздражением уставилась в спину женщины. – А потом объявления в газетах пишут... Пропала такая-то, была одета так-то!»

Сомнения больше не терзали меня. Я резво обогнала конкурентку и выдохнула в окно кассы:

– Остался?!

– Чего орешь-то? Остался... – Кассирша зевнула и зыркнула за мое плечо. – Женщину чуть с ног не сбила. Не стыдно?

Кровь прилила к лицу. Обычно я относилась к старшим с уважением, но сегодня... Сегодня мне позарез нужно было уехать!

– Что остолбенела? Передумала или как? – «Фея» с нетерпением постучала пальцем по столу. – Берешь билет?

– Беру! – спохватилась я и достала смятую пятирублевку.

Пока кассир возилась со сдачей, я решилась глянуть на оставшуюся позади особу. В смутном отражении стеклянной перегородки я встретила взгляд замарашки и невольно поежилась. Женщина же открыла рот, будто хотела отчитать меня, но лишь охнула, попятилась и тихо заплакала.

Неожиданная догадка заставила меня оцепенеть.

«Неужели *это* начинается снова?! Или все-таки старуха – обычная сумасбродка, опустившаяся и всеми брошенная?»

Кассир недовольно заворчала. Так и не разобравшись в своих ощущениях, я схватила билет и выскочила на улицу. Три плацкартных вагона во главе с черным красавцем локомотивом уже подали к перрону, и запах тлеющего угля наполнял вечерний воздух. Большая часть пассажиров разошлась по местам, однако несколько граждан все еще блуждали по платформе в глубокой задумчивости. Казалось, они до сих пор не решили, стоит ли им уезжать. То было странное и тревожное зрелище.

Старуха стояла чуть в стороне от входа. Одной рукой она держалась за столб с рупором громкоговорителя, а другой теребила пуговицы плаща. Саквояж лежал возле ее ног, замок открылся, и ком белья вывалился на землю. Некоторое время женщина не обращала на вещи никакого внимания, затем нагнулась, вытащила из тряпья небольшой предмет и прижала к груди. По изнуренному лицу вновь потекли слезы.

Я решила больше не смотреть в сторону замарашки. Напряжение последних часов отступило, и мне вдруг стало жалко себя, свою любовь, которая так красиво начиналась и так отвратительно заканчивалась. Я вспомнила, как два месяца назад приехала в город и он казался тогда милым провинциальным раем, а теперь белизна цветущих садов лишь раздражала своей показной невинностью.

– Умоляю вас! – Возглас за спиной заставил вздрогнуть. Я обернулась и поразились состоянию, в котором находилась старуха.

Она была бледна, из-под съехавшего набок платка выбились коротко остриженные волосы, а руки била мелкая дрожь.

– Меня зовут Анна. И я не сумасшедшая. Просто мне необходимо уехать! Вы... – Женщина поперхнулась и замолчала.

Только сейчас я увидела, что из ее ладони торчит голова плюшевого медвежонка.

– Вы даже не представляете, что они сделают! – Губы старухи посинели от волнения. – Сначала меня чем-нибудь заразят, а после разрежут, чтобы посмотреть, что стало с крохой. Отдайте билет!

Женщина сделала шаг в мою сторону.

«Да она же совсем девчонка! – вдруг с ужасом поняла я. – Девчонка, до невозможности похожая на старуху!»

– Хотите знать, сколько мне лет? Восемнадцать... и я беременна. Сегодняшняя ночь на ферме будет последней. Завтра из концентрационного лагеря пришлют машину, чтобы забрать меня в «роддом» и сделать укол...

Она встала на колени.

– Пожалуйста... мне пришлось украсть деньги ради этого билета, понимаете? Ведь вы сможете уехать и завтра! А я нет... – Девушка схватила подол моей юбки и шепотом повторила: – Пожалуйста!

Я посмотрела на поезд. Проводницы зажгли сигнальные фонари и криками подгоняли последних пассажиров.

– Боюсь, вас не пустят в таком виде в вагон, – пролепетала я, уже вынимая билет.

Девушка мигом вскочила на ноги.

– Пустят, – выдохнула она. – Обязательно пустят!

2

Ее действительно пустили. Девочка-старуха заняла место возле окна и помахала мне лапой своего медвежонка. Я улыбнулась, кивнула в ответ и долго смотрела вслед уходящему составу. Затем села на скамью и стала ждать. Вскоре усталость окончательно сморила меня.

«Как же долго его нет. Неужели до сих пор никто ничего не заметил?» – подумала я и уснула.

Он приехал, когда от малинового киселя остались лишь белесые пенки. В сонном полубытьи я видела, как огни «Победы» рассекли сумрак привокзальной площади в тот самый момент, когда молоденький сержант склонился надо мной, желая узнать, кто я такая и почему сплю в неполюженном месте.

– Если бы ты хлопнул дверью машины чуть сильнее, то сержант пристрели бы тебя от испуга, – попыталась пошутить я, когда он усаживал меня на сиденье автомобиля.

Но мой спаситель был зол и ничего не ответил. Тогда я помахала на прощанье сержанту. Он сделал вид, что не заметил.

«Все-таки жаль, что билет был только один! – вздохнула я. – По крайней мере, в поезде у меня было бы два друга. Девочка и ее игрушка».

Ехали мы молча. Из предосторожности он подвел машину к черному входу клиники, отвел в палату и закрыл за нами дверь на замок. Я приняла холодный душ, поужинала холодными макаронами и, уже лежа на холодной простыне, услышала от него первые за сегодняшний вечер слова в свой адрес.

«Завтра будет очень серьезный разговор», – процедил он и вышел.

«Неужели здесь вообще ничего нет теплого для меня?» – подумала я и провалилась в темную бездну.

3

Мы сидели в небольшом кабинете. Он – за рабочим столом, я – в кресле напротив. Он крутил макет человеческого мозга, выполненный в виде глобуса. Я рассматривала частички пыли, летящие сквозь узкий поток света. Стояла полная тишина.

Так было всегда. Сначала мой любимый завешивал гардины. После в задумчивости крутил «мозг». И только затем начинал беседу. И никогда в другой последовательности. Что меня очень удручало. Я-то хотела, чтобы шторы были последними в этом ритуале.

Сегодня я загадала желание. Если какая-нибудь пылинка полетит не поперек луча, а устремится вверх, туда, где свет прорывается сквозь неплотно задернутую ткань, все мои желания сбудутся. Но ни одна из них так и не решилась на подобное. Пыль не рождала икаров. Я поздно догадалась.

– Через две-три недели вас могли бы выписать, Варвара Сергеевна. А теперь я даже не знаю, что и будет!

Я с легкой улыбкой взглянула на него.

– Выпиши нас обоих, прямо сегодня...

Доктор вскочил и заходил по комнате. Высокий, стройный молодой человек с небольшой аккуратной бородкой и привычкой задумчиво вздыхать. Моя любовь и моя беда.

– Никаких нас нет. Сколько можно повторять, Варвара Сергеевна?!

– Почему же ты привез меня сюда... Зачем забрал из Москвы?

– Потому что... – Он запнулся. – Потому что считаю методы доктора Евсева чудовищными. Мы уже обсуждали это, Варвара Сергеевна. Лоботомия убила бы вас как личность.

– Значит, я все-таки не безразлична вам, Андрей Васильевич?

Молодой человек всплеснул руками и поднял лицо к потолку.

– Ну за что мне это... – прошептал он. – Да, я привез вас сюда не только из альтруистических побуждений. Но это касается лишь медицинской стороны дела. Ничего личного!

Он налил воды из графина и жадно выпил.

– Я решила уехать, потому что вы стали ужасно холодны! А вчера утром позволили себе накричать на меня. Даже оскорбить!

– Простите, Варвара Сергеевна. Я устал и поэтому сорвался! Но куда вы собирались отправиться без паспорта и денег, скажите на милость? И как вам удалось покинуть стены этого заведения?!

– Моя беда, что я не могу на вас долго злиться, – тихо проговорила я, словно не слыша вопроса. – Моя самая большая беда!

Мужчина хотел прервать меня, но промолчал. Тихо вздохнув, молодой человек сел за стол и принялся в задумчивости перебирать бумаги. Он отлично видел в сумраке. Даже лучше, чем я...

4

Девочку я нашла сразу. Она стояла за конструкцией очень странного летательного аппарата и тихо звала меня. Я взяла ее на руки, легкую, серую от усталости, словно подняла с земли засохший осенний лист, и мы пошли искать второго ребенка. Раньше я всегда находила их достаточно быстро, этих странных детей, часто доведенных до крайней степени истощения, иногда раненых, иногда просто напуганных, но всегда зовущих на помощь. Я слышала их в самых разных местах и первое время никак не могла привыкнуть, что больше никто не обращает на них внимания. Но это прошло.

Бедных крох я доставляла к ближайшей станции метро. Я знала, что направляться следует именно туда, где бы я ни подбирала найденышей. Возле подземки уже ждала другая женщина, перенимала детей и сразу же растворялась среди пассажиров. Я никогда не пыталась завязать с ней разговор. Ни разу ни о чем не спросила. Я чувствовала, что так надо.

С малышами было то же самое. Человек, беседующий сам с собой, привлекает слишком много внимания. Лишь в тех случаях, когда вокруг не было ни души, я позволяла себе сказать детям несколько ободряющих слов. И радовалась даже намеку на улыбку.

Итак, я взяла девочку и стала искать ее спутника. До этого момента детишки точно были вместе, их голоса звучали в унисон, но потом что-то напугало малыша. И он спрятался.

Это стало для меня полной неожиданностью. Я долго бродила по ангару вокруг нелепой конструкции, похожей одновременно на летучую мышь и сотейник, чувствовала, как девочка слабеет, и нервничала все сильнее. Мне было совершенно непонятно, куда ребенок мог спрятаться. В какой-то момент я потеряла контроль над собой и позвала мальчика во весь голос. Тогда-то все и случилось.

Они появились сразу с нескольких сторон. Люди в военной форме, с оружием в руках и напряжением на лицах. Солдаты заставили меня лечь на пол, сковали запястья наручниками и завязали глаза. А через час меня уже допрашивали.

Сейчас я даже рада, что позволила в тот вечер арестовать себя. Но в первое время было страшно. Очень страшно...

5

А началось все в июне 1954-го. Мне только что исполнился двадцать один год, я окончила институт имени Менделеева, была худа, но жилиста, отмахала метр шестьдесят от земли и отрастила прекрасные светлые волосы. От папы мне достались зеленые глаза, а от мамы –

высокие скулы и множество веснушек. А вот от кого перепало чувство глубокого одиночества, я до сих пор не знаю. Наверное, это было мое собственное приобретение.

Отец погиб в сорок первом под Минском, а мама умерла в Коканде во время эвакуации. Ее определили работать на пасеку, а через несколько дней она задохнулась от анафилактического шока. Когда каждый день погибали сотни тысяч людей, никому и в голову не пришло проверять маму на аллергию. Вот такие дела...

Может быть, когда-нибудь я напишу их историю. Если они позволят. Пока же я могу говорить только о себе.

В общем, 2 июня 1954 года я была еще совершенно обычная девчонка. Я шла по Первомайской улице вся мокрая, облепленная тиной и тополиным пухом, готовая взорваться от злости. Люди с удивлением рассматривали меня, иногда предлагали помощь, но я отвечала, что все нормально, и улыбалась. Ведь если подумать, ничего страшного со мной действительно не случилось. Просто я рассталась с кавалером. Вот и все.

Это произошло на Измайловских прудах около часа после полудня. Молодой человек сидел на веслах и неторопливо вел лодку вдоль берега. Я лежала на корме и рассматривала рыбок. Под старым деревянным мостом он сказал:

– Знаешь, Варя, я влюбился в другую. Нам надо расстаться.

– Хорошо, – ответила я и помахала карасям рукой. – Если влюбился, значит, надо.

Затем встала, перепрыгнула через борт и поплыла к берегу. Я была хорошим пловцом и даже в одежде двигалась быстрее, чем лодка. Впрочем, берег находился рядом, да и мой бывший возлюбленный не сильно торопился. Я вскарабкалась по травянистому откосу, пробежала через лесок и зашагала в сторону станции метро. Кажется, он кричал вслед, что я полоумная. Не буду утверждать наверняка.

Ненавидела же я три вещи. Тополинный пух, речную тину и самоуверенность. Я ведь догадывалась, что он катает на лодке еще одну девицу, но была убеждена, что ей бесполезно со мной тягаться. Если бы я знала, что в воду придется прыгать мне, а не ей, то оделась бы совсем иначе. И не испортила свой любимый наряд.

А еще волосы. Две тяжелые косы липли к ткани сарафана и доставляли массу неудобств. Мне было даже противно к ним прикасаться, чтобы распустить, и когда я увидела парикмахерскую, ноги сами понеслись в том направлении. Дверь была открыта, внутри приятно пахло одеколоном, крутился самодельный вентилятор, и никого не было, кроме мужчины лет сорока с протезом вместо ноги и потрясающим чувством такта. Он несколько секунд рассматривал меня, затем повернул вентиль водопроводного крана и молча указал на умывальник.

Может быть, этот человек был немой? Интересно, вообще, бывают немые парикмахеры? Представляете, я до сих пор не знаю. Но в тот день между нами проскочило всего лишь одно слово.

«Каре», – сказала я, когда привела себя в порядок. Парикмахер в изумлении поднял брови. Кажется, он вообще не ожидал, что я буду стричься.

Я показала рукой необходимую длину. Поколебавшись, он усадил меня в кресло напротив трюмо, взял инструмент и принялся за работу. Он стриг очень медленно, то и дело вздыхал и придерживал мои волосы как некую драгоценность. Когда все было кончено, мужчина принес еще одно зеркало и стал показывать стрижку с разных сторон. Вот тогда-то я и разрыдалась.

Я редела в голос. Я выла, как попавшая в капкан волчица, и тут же громко сморкалась в предложенный парикмахером платок. Я вдруг поняла, что снова одна.

А потом я услышала *это*. Тихий, еле различимый детский голос. Он доносился из-за шифоньера с циркульными принадлежностями и поразил меня настолько, что я замолчала и в изумлении уставилась на мужчину. Мастер с невозмутимым видом подметал пол. Он даже не повернул головы.

Я вскочила и бросилась в сторону шкафа. Парикмахер чуть не упал, но мне и в голову не пришло извиниться. То, что я увидела, едва не лишило меня чувств.

Девочка. Лет шести. В новеньком красном пальто. Лежала в луже крови и раз за разом повторяла:

– Мамочка, вылечи меня...

6

Говорить, но молчать.

Спешить, но не торопиться.

Быть умной, но простушкой.

Вот три главных правила, которые я уяснила, когда несла девочку к метро. То, что ребенка никто не замечает и не слышит, я окончательно поняла, когда сразу на выходе из парикмахерской встретила двух милиционеров. Они с интересом посмотрели на меня, но не как на человека, который держит окровавленного ребенка, а как мужчины смотрят на привлекательную девушку, пулей летящую неизвестно куда. Они спросили, не случилась ли у меня беда.

Тогда я остановилась и выпалила:

– Люди болтают, в ГУМ завезли американские босоножки... Вам не надо?

И глупо затрепетала ресницами.

Милиционеры усмехнулись, козырнули и пожелали мне удачи. Когда наряд удалился, я сделала несколько глубоких вдохов и зашагала быстрым, но вполне обыденным шагом. То, что никто не видит ребенка, – хорошо, подумала я, но никто не должен *видеть* и меня! Это было само собой разумеющимся, как и то, куда необходимо доставить девочку.

И мне очень повезло, что парикмахер не стал кричать вслед про неоплаченную работу. Почему? Думаете, я знаю?..

Пыталась ли я осмыслить происходящее? Конечно да. Отдав малышку пожилой женщине в форме санитарки Советской армии, я купила стакан кваса, села на скамейку и стала размышлять.

«Совершенно ясно, что это была галлюцинация», – подумала я и внимательно осмотрела себя. Никаких следов девочки на мне не было. Были остатки тины, волос, но не крови.

«Совершенно ясно, что это была непростая галлюцинация!» – снова подумала я. Ведь руки мои устали, потому что несли ребенка почти целый километр. А ладони помнили контуры ее тела. И голос... он до сих пор звучал в ушах!

Я опять прислушалась к своим ощущениям. Нет, я не чувствовала себя больной, не дрожала от страха. Все эти знания... куда нести, как нести. Само появление малышки так легко поместилось в голове, словно все было готово и только ждало, когда информация до конца соберется, проанализируется и разложится по полочкам. Даже грусть от расставания с ухажем притупилась. На меня давила усталость, ныли виски.

Я допила квас, села в вагон и поехала домой. Легла на кровать и сразу уснула.

7

Следующий ребенок позвал меня только через полгода. К этому времени я устроилась работать на фабрику «Новая заря», была по-прежнему одинока, из всех развлечений практиковала лишь походы в кино, да и те нечасто.

Хилый поток жизни все явственнее пах болотной жижей. Даже воспоминания о девочке в красном пальто уже не вызывали прежних эмоций. На досуге я изучила кое-какую литературу по шизофрении, узнала, что галлюцинации могли быть вызваны полученными потрясениями, и

есть вероятность, что больше не повторятся. Не сказать, что эта информация сильно повлияла на мое самочувствие, поскольку неприятных симптомов я так и не заметила и отнеслась к ней скорее с разочарованием, чем радостью. Честно, мне даже было жаль, что *это* больше не случится. Но я ошиблась.

Стоял ноябрь. Как всегда, весь замороченный. Температура прыгала то вверх, то вниз, бодрящий шарик солнца без конца затягивали гардины туч, а зимние шапочки так глупо смотрелись под нейлоновыми зонтами. Хотелось праздника и новой французской комедии. Что-нибудь вроде «Фанфан-тюльпан».

В тот день на фабрику привезли индийский сандал. Химикам-технологам поручили проследить, чтобы этот драгоценный дар поместили в подходящие для его сохранности условия, чем я и моя напарница занимались до позднего вечера. Вся штука в том, что эфирные масла состоят из множества очень маленьких молекул, и чем молекулы меньше, тем быстрее проникают они в организм. При неправильном хранении в масле образуются крупные молекулы, и это снижает их проникающую способность. Такой продукт уже не обладает прежними свойствами. Он *испортился*.

Сандала привезли много. Когда сторож закрыл за нами ворота, улицы уже опустели, шел сильный снег, и свет фонарей терялся в белой мгле. Не было ничего разумнее, чем отправиться сразу же в общежитие. Но я сделала иначе.

Находясь под арестом, я иногда размышляла, почему люди совершают поступки наперекор здравому смыслу. Может быть, так природа защищает цивилизацию от преждевременного старения? И если бы мы всегда выбирали только правильные варианты движения по жизненному пути, то закат человечества наступил бы гораздо раньше?..

Как бы там ни было, я отправилась прогуляться по ночному городу. Я шагала по Арсеньевскому переулку мимо двухэтажных домов еще дореволюционной постройки, утопая по щиколотку в снегу, и думала про Индию. Я мечтала, что когда-нибудь окажусь в этой волшебной стране, буду там долго и кропотливо работать, а затем вернусь на родину с ароматическим веществом, доселе неизвестным парфюмерам. На его основе я создам потрясающие духи, которые станут популярны во всем мире. Они будут называться ...

Кто-то грубо схватил меня за руку. Я вскрикнула, резко повернулась и чуть не лишилась чувств. Передо мной стоял мужчина немногим выше ростом, небритый, с глазами, похожими на две гнилые виноградины, и отвратительным запахом изо рта.

– Заблудилась, красotka? – процедил он. – Так давай, покажу дорогу...

– Пустите! – Я попыталась высвободиться.

– Молчи, сука... – Мужчина рванул меня к себе. – Со мной пойдешь, шмара. А кричать вздумашь, получишь штырь в пузо, поняла?

– Поняла, – пролепетала я, чувствуя, как страх уступает место холодному расчету. – Только отпустите, больно!

Мужчина ощерился.

– За дурака держишь, курва? А ну, двигай копытами.

Упырь был страшен, очень страшен, но он не учел одного. Я девять лет провела в детском доме Ташкента.

– Иду...

Чуть обмякнув, я со всей силы ударила каблуком ботинка по его голени.

Мужчина охнул и непроизвольно наклонил голову. В тот же момент глаза этой мрази напоролась на два моих растопыренных пальца с короткими, но острыми ноготками. Мне уже приходилось защищать свою девичью честь от посягательств разных озабоченных субъектов, но тогда обидчиками выступали сопляки-малолетки, а не матерые уголовники. Поэтому сейчас я ударила со всей силы, так, чтобы ногти вошли как можно глубже в глазницы. И они вошли...

Мужчина что-то прохрипел и разжал ладонь. Не дожидаясь, когда насильник придет в себя, я впечатала колено ему в пах и боднула головой в подбородок. Упырь упал на спину и скорчился. Я бросилась бежать.

Я неслась как сумасшедшая. Падала, вскакивала и снова бежала. Остановилась я лишь тогда, когда поняла, что никто за мной не гонится. За все это время мне не встретился ни один прохожий, ни одна машина не проехала мимо. Город словно вымер.

Я осмотрелась. Местность была незнакомой. Я думала, что бегу в сторону общежития, но ошиблась, свернула где-то не туда и заблудилась. Днем найти дорогу домой не составило бы труда, но сейчас, находясь в окружении плотной завесы снега и темных силуэтов домов, я чувствовала себя совершенно растерянной.

И еще усталость. Она камнем висела на ногах. Надо было прийти в себя и успокоиться, чтобы не увязнуть в этих мрачных переулках до самого утра.

«Несколько минут отдыха – и двигаться в направлении, откуда прибежала. Так попаду на Арсеньевку. Там выберусь... – Я прислонилась к стене одноэтажного кирпичного дома и обняла себя руками. – Всего несколько минут отдыха».

– Дапамажыце мне, кали ласка!

Я замерла и прислушалась.

– Дапамажыце...

Нет, мне не показалось. Просто голос был настолько тихим, невнятным, что я не могла определить, откуда он доносится. Даже не понимала смысла сказанного. Лишь чувствовала, что это мольба о спасении.

Отойдя в сторону, я осмотрелась. Снег, кирпичная стена, снова снег, снег на земле, в небе, на одежде. Сколько я могла видеть, вокруг не было ни одной живой души. Лишь белая орда плотным валом накатывала на город.

– Эй, кто здесь? – крикнула я. – И где вы?

– Дапамажыце...

Я присела на корточки. Кажется, голос доносился откуда-то снизу. В тусклом свете уличного фонаря я рассмотрела подобие ниши, уходящей под землю. Проем был почти полностью занесен снегом, и лишь часть рамы еще оставалась на поверхности. Я разгребла нанос и увидела кусок стекла. Это было окно.

Я оглядела дом еще раз. Строение выглядело очень старым, заброшенным, и большая его часть была отгорожена от улицы высоким деревянным забором. Я зашагала вдоль постройки и вскоре обнаружила дверь, запертую на огромный замок. Проходом давно не пользовались, все железные детали успели как следует проржаветь, а крашенные – потускнеть и облупиться. Картину довершал сугроб, по-свойски прильнувший к почерневшим доскам. Я двинулась дальше.

Дойдя до угла дома, я вернулась и посмотрела с противоположной стороны. Та же кирпичная стена, забор и занесенный снегом оконный проем. Другого входа в подвальное помещение не было.

– Холадна, вельми холадна...

Опять этот голос! Теперь он был чуть громче, отчетливее, и я перестала сомневаться. На помощь звал ребенок.

– Малыш, ты здесь?

Я подбежала к двери и дернула замок. Несмотря на слой ржавчины, он крепко держался на своем месте и не думал поддаваться. Тогда я шагнула в сугроб, взялась за железную скобу и попыталась расшатать дверь, чтобы образовалась хотя бы небольшая щель. Но дверь даже не дрогнула.

– Малыш, не молчи! Я обязательно доберусь до тебя. Слышишь?

– Забярыце мяне адсюль. Хутка раніца. Я баюся раніцы. Забярыце мяне адсюль, цетачка!

– Ну конечно, обязательно заберу... – Теперь я смогла разобрать, что ребенок говорит на белорусской мове, которую немного знала.

Я навалилась на дверь. Никакого результата. Малыш снова позвал меня, но на этот раз его голос был слабее, тише. Он замерзал.

Жгучий приступ ярости вдруг накатил на меня. Я, высшее творение природы, сложнейший организм с миллиардом нейронов, мозгом и... сердцем, наконец, сейчас ничего не стоил по сравнению с простым куском дерева. Я не могла звать на помощь, не могла пытаться сбить замок, не могла расколотить окно под снегом. Если бы меня вдруг заметили, то приняли бы за сумасшедшую или преступницу. И малыш погиб бы.

Прижав голову к холодной древесине, я закрыла глаза и застонала от беспомощности.

8

Вначале была оторопь. Я лежала на твердой поверхности и чувствовала, как немеет от холода правая щека. Такое положение моего тела было просто невозможно, ведь еще мгновение назад я стояла на улице под сильным снегопадом и таранила лбом запертую дверь. Сейчас же снега не было и в помине, зато было обмороженное лицо, боль в голове и полное отсутствие понимания, что произошло.

Рядом что-то зашуршало. Через мгновение звук повторился, но уже ближе.

– Пошла отсюда... – выдавила я через силу.

– Цетачка.

Я вздрогнула. Нет, это было не животное. Ребенок, который звал меня все время, вдруг оказался на расстоянии вытянутой руки. Это его скрывала темнота, шорох его тельца показался мне похожим на шуршание крысы. Выходит, я находилась в подвале, куда так стремилась?!

– Малыш, где ты? Як я сюды попала?

– Не бачыю... – пролепетал мальчонка после паузы. – Совсім не бачыю, цетачка.

– Иди ко мне...

Снова послышалось шуршание. Я протянула руку и нащупала хрупкое тельце. Мальчик напрягся, но тут же обмяк и тихо заплакал.

В дальнейшем я не раз замечала, что эти дети старались все делать тихо. Тихо двигались, тихо говорили, и даже плакали почти бесшумно. Они боялись привлечь к себе внимание и когда вокруг никого не было. Это текло по их венам. Инстинкт самосохранения.

И вот мы сидели в обнимку и плакали. Он чуть слышно, я громче, всхлипывая и вытирая нос рукавом пальто. Нам обоим требовалось хорошо выплакаться, чтобы эта чертова соленая вода не пролилась внутрь и не разъела и без того израненные сердца. Я спросила, как его зовут, и он прошептал «Зосим», а затем добавил, что мамку «уже убили». После этих слов я решила больше не докучать бедняге вопросами.

Я гладила ребенка по бритой головке и думала: «Сначала раненая девочка за шкафом, теперь мальчик на полу запертого подвала... Какие еще сюрпризы приготовила мне жизнь?!»

Впрочем, на долгие размышления не оставалось времени. Выход из подвала до сих пор найден не был, а внутренний голос все настойчивее твердил, что отпущенные ребенку часы истекают. Тогда я заставила себя встряхнуться, нахлобучила на малыша свою шапку и сказала, что собираюсь вытащить нас отсюда. Паренек еще раз всхлипнул и затих.

Я огляделась. Глаза привыкли к темноте, и стало ясно, что мы находимся в просторной, но практически пустой комнате. Сваленные возле стены ящики, каменные ступени, уходящие куда-то вверх, да крохотное пятно света в месте, где должен был находиться оконный проем, – вот и все, что составляло нам компанию. Первым делом я проверила, куда ведет лестница, и быстро убедилась, что это обратная сторона того самого входа, через который мне так и не

удалось пробиться. Тогда я обошла комнату по периметру и даже посмотрела за ящиками. Выхода из подвала не было.

Я вернулась к Зосиму и снова прижала мальчика к себе. Так было теплее. Так я меньше ощущала абсурдность происходящего.

– Цетачка... – тихо позвал ребенок. – Чуеце, што я гавару? Калі хочаш збегчы, то праз акно заўседы дакладней!

– Коли хочешь сбежать, окном всегда вернее... – повторила я задумчиво. – Да, малыш, мы в детдоме тоже так делали.

Я встрепелась и повернула голову.

«А что, если... С улицы ниша перед окном выглядела слишком узкой, чтобы в нее мог протиснуться взрослый человек. Но другого варианта все равно не осталось!»

Я подошла к месту, где заметила свет.

«Выходит, снегопад закончился, раз стекло не занесло», – подумала я, нащупала раму и попробовала ее открыть. После нескольких безуспешных попыток мне пришлось отломить от ящика деревяшку покрепче, надеть на нее варежку и слегка стукнуть по стеклу. Раздался глухой звук.

Несколько минут я вслушивалась в тишину. Дом безмолвствовал. Я ударила сильнее. Никакого результата. Больше не в состоянии сдерживаться, я размахнулась и двинула со всей силы. Пслышался треск, и на меня хлынула лавина из снега и осколков.

– Мне страшно, цетачка... – прошептал мальчик.

– Не бойся, малыш! Скоро ты будешь в безопасности... – Я дождалась, когда поток иссякнет, и очистила проем от остатков стекла. Отверстие получилось большим, девушка моей комплекции должна была пролезть в него без труда, но оставалась еще ниша между окном и тротуаром. Смогу ли я там развернуться, вот в чем был вопрос...

9

– Кстати, дом, в котором вы «нашли» второго ребенка, недавно снесли. Теперь на его месте строят современный многоэтажный квартал.

– Что? – Я вздрогнула от неожиданности. – Дом... откуда ты знаешь?!

– Варвара Сергеевна, давайте все-таки на «вы». Я ваш лечащий врач, а не... – Молодой человек поджал тонкие губы. – А не кавалер!

– Странно, – отозвалась я. – Но еще совсем недавно ты не брезговал меня целовать.

– Хватит! – Молодой человек слегка стукнул ладонью по столу. – Хватит, Варвара Сергеевна. Я запрещаю произносить эту глупость. Понятно?

– Ты опять кричишь на меня?

– Я не спал всю ночь! Думал...

– Так откуда известно про дом? – перебила я. – За все это время вы ни разу не упоминали, что знаете, где он расположен!

– Разве? Странно, я уверен, что мы уже беседовали на эту тему! Даже не сомневаюсь!

– То есть вы хотите сказать, что у меня провалы в памяти? Так?

Он не ответил и снова закрутил свой «глобус».

– Как сказать... – после паузы заговорил молодой человек. – Мне очень не хотелось бы произносить эти слова, но боюсь, что период ремиссии закончился. Я думал об этом всю ночь после вашего рассказа о вчерашних приключениях. Нам необходимо сконцентрироваться на лечении! Поэтому я так строг. Понимаете?

Я усмехнулась.

– Вы все время уходите от ответа.

Доктор с деланным удивлением посмотрел на меня.

– Что? От какого ответа... о господи! Я говорю о важных вещах, а вы продолжаете думать про этот несчастный дом. Хорошо, повторю. Я был там. Через неделю после нашего первого разговора я нашел ту несчастную развалюху. Вы очень хорошо ее описали. Дверь, подвал, разбитое стекло – все было на месте. Я даже навел кое-какие справки. Этот дом построили еще в девятнадцатом веке, и долгое время в подвале размещался кабачок. Затем магазин скобяных изделий... и, наконец, склад просроченных противогозов. А вчера днем я увидел репортаж о большой стройке в том районе. Вот и вся разгадка моей осведомленности, Варвара Сергеевна!

– Но зачем?! Вы же уверяли, что полностью доверяете моим словам?!

– Вы опять все искажаете, Варвара Сергеевна. Я говорил, что не сомневаюсь в вашей искренности! Говорил, что галлюцинации так сильно переплелись с реальностью, что вы уже не в состоянии отличить одно от другого. И задача врачей – помочь вам справиться с этой проблемой. Очистить сияние разума от грязи, так сказать!

– Вам бы, Андрей Васильевич, стихи писать, а не людей лечить. Ах да, я совсем запамятовала! Вы же читали кое-что из своего: «Из пепла роз вы заварите чаю...».

– А это действительно лучше забыть, Варвара Сергеевна! – вскипел молодой человек. – Вы хотели услышать про дом. Так вот, слушайте! Я все внимательно осмотрел и пришел к выводу, что попали вы в подвал и выбрались обратно одним и тем же путем – через окно. Но из-за стресса, полученного в результате борьбы с насильником, произошел рецидив болезни, отсюда и галлюцинации, и провалы в памяти. Большая удача, что вы не замерзли там насмерть! Игры разума – очень коварная штука, знаете ли!

– Разве для того, чтобы сделать подобный вывод, необходимо было осматривать дом? – задумчиво проговорила я. – Или все-таки вас интересовало нечто иное?

– И что же? – Он повернулся слишком быстро для напускного безразличия, с которым пытался говорить.

– Каких размеров на самом деле была та ниша...

10

Они хотели знать только одно.

Как я оказалась в их супер-пупер секретном ангаре.

Впрочем, что он секретный и защищен от проникновения посторонних сложнейшей системой охраны, стало известно мне намного позже. В первые же часы ареста я была настолько шокирована произошедшим, что даже не могла толком понять, о чем идет речь. Я все время думала о судьбе несчастных детей. Это была моя первая потеря.

Допрашивали меня двое. Мужчина средних лет, коротко стриженный, с пронзительно голубыми глазами, и молодой человек, очень интеллигентный, я бы даже сказала, весь какой-то утонченный.

Мужчина постарше напоминал мне отца. Он всегда носил идеально выглаженные рубашки и брюки, имел отличную выправку и часто курил. «Интеллигент» предпочитал костюмы и сострадательную улыбку. В принципе, они были очень симпатичные люди. Когда не угрожали расстрелом.

Впрочем, угрожал только мужчина постарше. «Интеллигент» же был вежлив, порой даже ласков со мной. Они были уверены, что я крупная рыба и скоро их ждет повышение. Только надо заставить меня говорить. Но это было делом времени.

А времени у них было мало. Если в ангар смог проникнуть один шпион, сможет и другой. И до тех пор, пока неясно, где в системе охраны брешь, Родина будет в опасности. Поэтому они не могли спать спокойно. И не давали мне.

Они допрашивали по очереди. Когда один отдыхал, другой работал. Мужчина с глазами небесного цвета кричал на меня, оскорблял маму и папу, показывал, каким пальцем нажмет

на курок, когда прострелит мою несчастную голову. «Интеллигент» вкрадчиво объяснял, что сам он против насилия, но если я и дальше буду утверждать, что никто меня не вербовал, а в секретном ангаре оказалась «не помню как», то некто применит такие методы, что я сначала все расскажу, а потом сойду с ума. И никак не наоборот.

Но что я могла им сказать?

Только правду. Я поняла это, когда за трое суток мне дали поспать всего несколько часов. Немного придя в себя, я вдруг осознала, что прежней жизни уже не будет, что никогда отсюда не выберусь и либо умру, либо стану сотрудничать. Ведь мне «повезло» оказаться там, где ни в коем случае не стоило оказываться. Увидеть нечто такое, о чем даже дознаватели не имели представления. И я стала сотрудничать.

«Я просто шла из кино», – сказала я.

«Меня позвали дети», – промямлила я.

«Я не могла их найти и очень разнервничалась», – выдавила я и отключилась.

11

Меня привели в сознание хорошей порцией кипятка. Я вскрикнула, дернулась всем телом и схватилась за лицо.

– Не спать! – услышала я гулкий возглас. – Врагам не положено!

Я скосила глаза на источник звука. Хозяином тенора был молоденький солдат с жестяной кружкой в руках и по-детски строгим взглядом. Я сделала попытку подняться, но голова закружилась, и меня стошнило прямо на его идеально начищенные сапоги. Тогда солдат одной рукой посадил меня на матрац и прислонил к стене. Я закрыла глаза и снова получила порцию воды в лицо.

– Не положено...

Я с трудом подняла веки.

«Нет, не кипятком... Просто очень холодная вода. И хорошо, что я не враг, значит, можно снова лечь. – Я стала заваливаться набок и в этот момент пришла в себя. – Это же меня они считают врагом!»

Солдат заметил мое состояние и удовлетворенно кивнул.

– Через пятнадцать минут проверю... – сказал он и вышел.

На меня обрушилась волна паники. Больше не в силах выносить мучения, я стала биться головой о стену и причитать:

– Нет, нет, нет... Только не еще один допрос!

12

Как всегда, я так и не поняла, что произошло.

– О господи! Это кто еще?!

Я потерла ушибленный лоб и подняла голову. Надо мной нависал высокий мужчина лет сорока в старомодных очках, мятой одежде и рыбьим хвостом в руках.

– Как у вас это интересно получилось... – пробормотал он. – Вы вертухай? Следили за мной, да? Здесь есть отверстие?

Он подошел к стене и постучал костяшками пальцев по кирпичной кладке.

– Надо же, до чего хорошо замаскировано. Просто фантастика!

– Вы кто?! – Я в изумлении вытаращилась на мужчину. – Как оказались в моей камере? Я заснула?

Мужчина демонстративно поклонился.

– Снимаю шляпу, мадам. Вы так быстро сориентировались в ситуации! В КГБ умеют готовить кадры!

– Каком КГБ?! – взвыла я. – Я не шпион и не вертухай! Меня позвали дети. Я стала их искать и вдруг провалилась под землю! А когда открыла глаза, уже была в этом проклятом ангаре. Вот и все!

Мужчина приподнял очки и внимательно посмотрел на меня.

– Да бог с вами! – произнес он после паузы, выкинул хвост в ведро и лег на матрац. – Провалились так провалились. Я бы давно сошел с ума, если бы слушал все, что говорится в этом заведении!

Незнакомец закрыл глаза и сложил руки на груди. Наступила тишина. Я огляделась и поняла, что нахожусь в чужой камере, просто очень схожей с моей. Та же синяя краска на стенах, такая же массивная решетка вместо окна. Сделаешь два шага в ширину – упруешься в железные нары с матрацем. Решишь прогуляться к «окну» – налетишь на столик и стул. Бро-сишься обратно – споткнешься о ведро. Рядом железная дверь. Лязгающая, как мясорубка...

Только у меня ведро было черное, а у мужчины белое. Вот и все отличия.

Не это было главное. Я снова умудрилась пройти сквозь стену. Правда, в этот раз меня никто не звал.

13

– Так как вас величать, мадам?

Мужчина повернулся набок и зевнул.

– Варвара... – Я не удержалась и тоже зевнула. – А вас?

– Карл. А вы, значит, волшебница?

– Нет, я химик-технолог, – пролепетала я, снова начиная засыпать. – Вы немец?

– Отец был американский инженер и социалист, – сухо ответил мужчина. – Я родился незадолго до революции, поэтому всегда считал себя истинным советским гражданином!

Наступила пауза. Я почувствовала, что еще мгновение, и свалюсь прямо здесь, посреди камеры.

– Послушайте, Карл. Можно я лягу под койку и немного посплю? Сил больше нет терпеть.

Мужчина чуть не выронил очки. Наверное, он всегда брался за них, когда был очень удивлен.

– Хм... а вы не храпите? – растерянно пробормотал он.

– Нет, – ответила я и заползла под нары. – Не храплю.

14

– Эй, Варвара! Вы живы?

Я открыла глаза. Перед нарами на коленях стоял Карл и с тревогой смотрел на меня.

– Вы спите уже целых двенадцать часов! Я стал волноваться. Не хочу, чтобы мне припи-сали еще и убийство! – Он тихо засмеялся.

– Надо же... – Я с трудом ворочала языком. – Не спала трое суток, вот и вырубилась.

Мужчина протянул руку, чтобы помочь мне выбраться.

– Это ужасно! Кстати, вы даже не представляете, какой начался переполох, когда обнару-жили, что соседняя камера пуста! Они и сюда заглядывали. Но никому и в голову не пришло посмотреть под нарами. У вас животные инстинкты!

Я улыбнулась, но тут же испугалась. Побег явно не предвещал мне ничего хорошего. С другой стороны, исчезновение из запертого помещения служило весомым доказательством

моей честности! Я могла проходить сквозь любые преграды, в этом больше не было сомнения... только вот как?! Схватившись за ладонь мужчины, я выбралась наружу.

– Простите. Это было глупо! Надо вызвать охрану. Вам самому надо вызвать охрану и сказать, что только что обнаружили в камере постороннего! А я как-нибудь выпутаюсь!

– Ну уж нет! Не каждый день встречаешь человека, который может проходить сквозь кирпичи! Пока вы спали, я чуть дыру не протер, пытаюсь найти лазейку. Но там действительно ничего нет. Это поразительно!

– Вам не простят сокрытие...

Карл снял очки, тщательно отполировал стекла носовым платком.

– Да и леший с ними. Что будет, то будет. Надоело всего бояться!

Я замялась.

– Не могли бы вы тогда отвернуться?

– Ах да, конечно! – Мужчина отошел к дальней стене и стал рассматривать решетку. – Кстати, я глух на оба уха, так что можете не обращать на меня внимания! Только не исчезайте, пожалуйста!

– Хорошо!

Я подошла к отхожему ведру и сняла крышку. От ударившего в ноздри запаха меня чуть не вывернуло наизнанку. Прикрыв нос рукой, я принялась за дело. Затем привела себя в порядок и подошла к Карлу.

– Извините, нет ли у вас воды? – спросила я и прыснула от смеха.

– Что такое?

– Вспомнила одну дурацкую присказку: «Не дадите попить, а то так есть хочется, что переночевать негде!».

Карл грустно улыбнулся.

– Чего нет, того нет. Зато есть селедка. Правда, сомневаюсь, что она до сих пор съедобна.

Услышав про селедку, я поняла, что за жуткий запах чуть не убил меня. В камерах было жарко, и еда быстро портилась.

– А я все думаю...

– Что это от меня так воняет? – перебил мужчину с усмешкой. – Впрочем, скоро я действительно превращусь в протухший кусок мяса!

– А почему у вас нечего пить?!

Карл сел за стол и вздохнул.

– Меня специально кормят одной соленой рыбой. Чтобы я сошел с ума от жажды и стал послушен, как овечка. Пока я нахожу силы не есть эту дрянь. Но я не герой. Рано или поздно я признаю все, что они хотят! Вот где истинное триединство. Я пророк, бог и иуда в одном флаконе!

Услышав такие слова, я озадаченно спросила:

– А вы... кто по специальности? И за что арестованы?

Карл усмехнулся.

– Я физик-ядерщик. А сижу здесь потому, что считаю главным ветер, а не флюгеры. Даже если их очень много.

15

Карл повернулся в мою сторону.

– Поясню коротко. На последнем съезде физиков большая группа так называемых ученых-материалистов выступила с предложением признать теорию относительности Эйнштейна ложной. – Лицо мужчины покрылось красными пятнами. – Какая чушь! Естественно, я высту-

пил против. Наговорил много лишнего, чего уж там скрывать. Мне разом припомнили, что было и чего не было. И вот я здесь.

Карл с минуту молча вышагивал по камере, затем уже более спокойным тоном произнес:

– Бросив все силы на ваши поиски, охрана забыла принести очередную порцию рыбы.

Но скоро утро, и в этот раз они точно появятся. Так что стоит поторопиться. Но не говорите ничего, что может нанести вам вред. Не доверяйте мне полностью. Понимаете?

Я кивнула.

– Думаю, да. Но мне нечего утаивать. Последнее время я только об этом всем и твержу!

И я поведала о том, что случилось со мной за последнее время.

Когда рассказ был закончен, Карл покачал головой.

– О странный, дивный мир... – пробормотал он. – Если бы я собственными глазами не наблюдал ваши способности, то сказал бы, что эти «дети» – банальная шизофрения, отягощенная навязчивыми галлюцинациями! Но я видел необъяснимые вещи прямо здесь, всего несколько часов назад, поэтому либо придется признать, что сейчас в камере находятся сразу два сумасшедших, либо что ни одного. Вам какой вариант больше нравится?

Я пожала плечами.

– Второй, наверное...

– И мне. – Карл некоторое время тер виски, после задумчиво произнес: – Так вы говорите, часть детей была в полосатых робах, с треугольными нашивками и ужасно измучена?

– Таких было двое. Мальчик в подвале и девочка в зоопарке.

– А остальные?

– С виду вполне нормальные. Хорошо одеты, не истощены. Но всегда напуганы или ранены. Как малышка в красном пальто. У нее кровоточила шея.

В камере наступила тишина. Только огромная муха гудела над ведром с отходами.

– Знаете, Варвара... – Карл говорил медленно, словно вынимая слова из потайного кармана. – У меня есть вполне научное объяснение тому, что с вами происходит. Но, бога ради, расскажите, как вы договорились с животными?!

Я усмехнулась.

– Вы хотели спросить, как я договорилась с людьми?

16

В ту ночь я спала очень крепко. У меня было много работы, и отвлекаться на всякие пустяки не имело смысла. Сначала я родила себя. Затем произвела на свет папу и маму. Сама отрезала пуповины, перевязала их льняными нитями и аккуратно вытерла нежную кожу младенцев. Мои родители были такими славными бутузами, почти не плакали и забавно сучили бледно-розовыми ножками. Я дала им имена и с первой же минуты стала тщательно оберегать, ведь теперь от них зависела моя жизнь!

Нет, они не были брат и сестра. Раз я сама сотворила их, значит, сама же и решала тонкости родства. Я нарекла папу и маму близкими людьми, которым следует идти по жизни вместе. Но не дала им права быть родней по крови.

Была ли я хорошей матерью? Понятия не имею. Неужели вообще есть на свете человек, который может ручаться, что был хорошим родителем?! Возьму лишь смелость утверждать, что оказалась неплохим создателем! Прекраснее существ, чем мои детки, сложно было себе представить.

Сначала все шло просто замечательно. Малыши росли смышленными и здоровыми, но чем старше они становились, тем чаще мучил меня один вопрос. Как долго я имею право опекать их? Эта мысль изводила меня до тех пор, пока папа и мама не подошли ко мне и сказали: «Послушай, Варя, мы, конечно, благодарны тебе за такие прекрасные ручки и ножки, да и за

все остальное, но дальше как-нибудь сами, а то ты так и не родишься. А сейчас отправляйся в зоопарк. Тебя уже ждут...».

И я убила себя. Тем самым ножом, которым когда-то перерезала их пуповины. А затем проснулась.

Короткая летняя ночь подходила к концу. Ошеломленная, я сидела на кровати и хватала ртом душный влажный воздух. Обещанный еще неделю назад дождь наконец-то добрался до Москвы, и теперь что-то неторопливо отстукивал на жестяном откосе. Кажется, он сообщал синоптикам, что прибыл надолго.

Я приходила в себя минут пять. Затем встала, умылась и заварила чай. Соседка по комнате с недоумением посмотрела на часы и покрутила пальцем у виска.

– Слушай, Машка... – пробормотала я. – Скажи на работе, что я сегодня плохо себя чувствую, а завтра выйду и напишу заявление за свой счет.

Девушка кивнула и повернулась на другой бок. До подъема оставался еще час, и тратить время на разговоры у нее не было никого желания.

Позже, когда опрашивали всех, кто так или иначе имел со мной дело, милая Маша вспомнила то утро во всех подробностях. Даже как я ходила по комнате голая, а на завтрак ела исключительно сыр «Голландский», а чай пила индийский. И что ушла ровно в 5.45. Даже не расчесав головы.

«Интеллигент» на допросе спросил, подтверждаю ли я слова соседки. Я сказала, что да, все правильно, но следует учесть, что у меня была тяжелая ночь. «Родить двух малышей – это вам не семечек нащелкать!» – уточнила я. «Интеллигент» долго смотрел в одну точку, затем поморщился, составил протокол и дал мне ознакомиться.

О родах там не было ни слова. Зато подробно описывались сыр и голая грудь. Это был еще один документ в копилку доказательств моей шпионской деятельности, но я его подписала, ведь следователь ничего не соврал. Только попросила добавить, что утром я кинулась спасать очередного ребенка. «Интеллигент» тогда чуть не сорвался.

Сон очень заинтересовал второго следователя. Он некоторое время размышлял над его содержанием, затем потребовал выдать религиозную секту, меня завербовавшую. Я заплакала от ужаса и уверила, что всегда была атеисткой, мальчика и девочку родила исключительно сама и что вообще мне это лишь привиделось. А за настоящим малышом я отправилась только после пробуждения. После чего следователь пообещал упрятать меня на всю жизнь в психушку.

17

Я же, как всегда, говорила исключительно правду. В 6.00 я села в автобус № 39, доехала до метро «Октябрьская», спустилась под землю и отправилась в направлении станции «Краснопресненская». Здесь снова поднялась на поверхность и вскоре была у входа в зоопарк. До открытия оставалось три минуты.

Однако ни через три, ни через десять минут зоопарк не заработал. Я уже испугалась, что животных закрыли на карантин, как это было в позапрошлом году, но вот окошко кассы скрипнуло, и показалось лицо пожилой женщины. Я протянула деньги.

– Один, пожалуйста.

Кассир с недоумением посмотрела на меня. Она явно не ожидала посетителей в столь дождливое утро.

– А ты, милая, не на работу ли к нам устраиваться? – вдруг улыбнулась женщина. – Слышала, должна подойти вроде тебя. Чего же ты деньги суешь, дуреха?! Вот сколько тебе зарплату пообещали? Так сколько бы ни пообещали, все равно мало будет, требуй больше! У нас тут одни калеки да старики работают, молодых, считай, нет совсем. Поэтому слушай, что баба Шура говорит! – Кассир тараторила очень быстро, не давая мне и слова вставить.

– Да, по делу... – ответила я и смущенно опустила глаза.

– Вот и заходи ко мне в пещеру, а то промокнешь совсем. Посидим, чайку попьем. А там и кадры появятся, нет их пока!

– Спасибо. Но мне бы по территории погулять, с мыслями собраться. Люблю, когда дождь.

Баба Шура с недоумением покачала головой.

– Дождь она любит... То же слякоть одна, да сырость, за что ее любить? Ну, коли замерзнешь, беги сюда, отопрею.

Я зашагала к проходной. Здесь меня встретила другая женщина, гораздо менее словоохотливая, и без лишних разговоров впустила на территорию зоопарка. Я прошагала несколько метров и остановилась.

Новенькие асфальтные дорожки блестящими реками разбегались в разные стороны, и ни одна из них не сулила мне скорой встречи с ребенком. Я некоторое время топталась на месте в нерешительности, затем подумала, что в первую очередь стоит осмотреть вольеры под крышей, как вдруг услышала рев слона. Это было нелогично – искать ребенка на открытой местности, но утробный бас животного, словно тугой канат, окрутил мой разум и потащил к слоновьему загону. Я даже не заметила, как перешла на бег.

Зверь стоял на холме и медленно раскачивал свой огромный хобот. То был знаменитый на всю страну Шанго, который гнул рельсы, разносил в щепки железнодорожные вагоны и ел шляпы посетителей. Мое сердце затрепетало от восхищения при виде этой черной, лоснящейся от дождя горы. Слон был великолепен.

Мои тайные надежды не оправдывались. Еще издалека я поняла, что возле слоновника никого нет, но все же решила подойти ближе, настолько притягательным было величие гиганта. По дороге я успела осмотреть часть территории и не встретила никого, кроме пары служащих. Зоопарк выглядел практически безлюдным.

Тем временем дождь усилился. Зонт уже мало спасал от потоков воды. Когда я добралась до загона, то промокла немногим меньше, чем Шанго. Слон заметил меня, спустился с холма и просунул хобот сквозь верхние прутья ограждения. Грозный Шанго казался в эти минуты таким милым, даже покорным, что я подошла ближе, протянула руку и погладила кончик упругой, слегка шевелящейся гигантской змеи. В тот же момент слон выхватил у меня зонт и швырнул себе за спину. Я вскрикнула от неожиданности, но сейчас же забыла и про зонт, и про дождь, и про коварство Шанго. Я увидела ее.

Девочка стояла под навесом и гладила слоненка.

18

– О чем вы все время думаете, Варвара Сергеевна?

Я подняла глаза.

– Вспомнила допросы... Карла, девочку в слоновнике.

– Ах да! Такое трудно забыть. В зоопарке вы умудрились подвергнуть себя и служащего смертельной опасности. Ужасная история!

– У меня не было другого выхода. Вы же знаете.

Доктор взял стул и сел напротив меня.

– Я знаю одно, Варвара Сергеевна. Как только вы примете, что дети, которых надо было «спасать», есть фантазии разума, галлюцинации, вызванные целым рядом стрессовых ситуаций, мы сможем добиться прогресса в лечении, и рецидивов больше не будет! По крайней мере, я на это надеюсь!

– То есть вы хотите сказать...

– Что вы были очень одиноки, вас бросил жених, чуть не изнасиловал уголовник. Жизнь ничего не стоила, вот вы и придумали ребятишек, необыкновенные способности, арест, наконец. Чудака Карла. Ваше внутреннее «я» должно было придать существованию хоть какой-то смысл, и оно сделало это таким неординарным способом. Но жить в мире фантазий – опасная затея, Варвара Сергеевна. Рано или поздно вы наделаете таких глупостей, что уже никто не сможет вам помочь! – Он наклонился чуть вперед и с холодной улыбкой добавил: – Кстати, я побеседовал с кассиром на вокзале. Женщина не видела никакой беременной девушки, а уж старухи тем паче. Вы пришли за билетом одна, Варвара Сергеевна. Зашли, вышли. Легли на скамейку. Вот и все.

В кабинете наступила тишина.

– Дайте воды, пожалуйста, – прошептала я.

Доктор встал, наполнил из графина стакан, протянул мне.

– Пожалуйста, Варвара Сергеевна.

– Значит, наши беседы о многомерности вселенной, о возможности существования других миров, их взаимодействии друг с другом – это была просто игра? Уловка, чтобы затащить меня в постель?

Молодой человек замах руками.

– Умоляю, избавьте меня хотя бы от этого! Какая постель? Я могу пригласить пять свидетелей сию же минуту, которые заверят, что наши отношения носили сугубо медицинский характер. Хотите? – Он быстро встал, подошел к телефону и снял трубку. – Кому вы больше доверяете?

– Не надо...

– Я же говорил, – доктор снова сел напротив, – мне по душе мягкие методы лечения. Никаких стрессов, никаких переживаний. Я стремлюсь создать для своих пациентов максимально комфортную среду проживания. Почти как Юнг, только не в Швейцарии. Впрочем, Карпаты даже лучше... не правда ли? – Он с довольным видом погладил бородку. – А вы еще хотели удрать. Ну расскажите по старой дружбе, как?

– Не помню... – ответила я. – Провал в памяти, знаете ли.

Молодой человек пожал плечами.

– Зря, зря вы так. Я же все равно узнаю. Да, я позволял прогулки на свежем воздухе, поддерживал беседы на интересующие вас темы, но только для того, чтобы лучше понять характер и причину заболевания! И без всяких поцелуев на скамеечках! Вот уж увольте! – Доктор рассмеялся. – Представьте, что было бы, целуйся я с каждым своим пациентом?!

Мои губы задрожали от обиды. Я видела, что за последние дни он сильно изменился. Но даже сегодня утром в молодом человеке еще оставалось что-то от моего прежнего возлюбленного. Сейчас же это была совершенно другая личность. Если он хотя бы на секунду покидал кабинет, я бы решила, что его подменили на двойника. Но он никуда не выходил за все время нашей беседы. И это было ужаснее всего.

– Ложь! – крикнула я. – Все было, было, было. И прогулки, и поцелуи, и дети! Вы подлец, наглый, лживый подлец!

Но он не вышел из себя. Лишь поиграл желваками под гладковыбритой кожей на скулах.

– Простите, Варвара Сергеевна, но это только плод ваших фантазий. Вы никак не хотите жить в реальном мире... И вот еще что. С завтрашнего дня я назначаю вам хлорпромазин. Вы стали слишком агрессивной.

Я ахнула.

– Так вы хотите сказать, что вся... – Мне не хватало воздуха, я задышалась. – Вся моя жизнь – бред сошедшей с ума шизофренички?!

Он придвинулся ко мне вплотную и тихо, глядя прямо в глаза, прошептал:

– Ну конечно!

Девочка стояла под навесом и гладила слоненка. Малышка была ниже его ростом, и ей приходилось подниматься на мысы огромных ботинок, чтобы достать до округлой макушки детеныша. Крохотной ручонкой она неспешно водила по голове и туловищу животного, трогала его волоски, заглядывала в глаза и была настолько поглощена своими открытиями, что не заметила моего появления. Девочка совершенно не боялась ни малютки, ни его матери рядом. Слоны же как будто бы даже дремали.

Я была шокирована. Сначала меня охватила паника от мысли, что животные вот-вот очнутся и набросятся на ребенка. Но я быстро поняла, что они не видят и не чувствуют девочки. Тогда я пришла в ужас от состояния ребенка.

Сказать, что кроха была худа, значит не сказать ничего. Малышка была доведена до крайней степени истощения, и удивительно, как ей до сих пор хватало сил держаться на ногах. Казалось, еще немного – и девочка подломится под тяжестью мокрой робы в бело-синюю вертикальную полоску, как ломается хрупкое деревце под непосильным весом. Но шли минуты, а она продолжала счастливо улыбаться. Ребенок явно видел этих животных впервые в жизни.

Я позволила себе немного расслабиться. Надо было собраться с мыслями и придумать способ забрать девочку. Я не понимала, как кроха попала к слонам, и не видела пути, через который могла бы ее вывести. Вольер был огорожен со всех сторон, и даже если малышка как-то смогла пролезть в верхней части решетки, то преодолеть ров перед слоновником ей точно не удалось бы. Оставалось прибегнуть к помощи служителей зоопарка. Но как объяснить причину столь странной просьбы? Любой нормальный человек тут же принял бы меня за сумасшедшую.

Я огляделась и тихо позвала:

– Эй, малыш...

Девочка вздрогнула и повернулась. Она нашла глазами мою фигуру, некоторое время настороженно рассматривала, затем помахала ручонкой.

– Идите сюда! – крикнула она. – Эти животные просто замечательные!

– Милая, нам надо уходить. Тебя ждут...

Девочка погрустнела.

– Знаю, – сказала она и вздохнула.

– Как ты очутилась там?

– Не помню. Я проснулась здесь, на земле, когда дождь только начинался. И сразу пошла к ним. Это же слоны, да? Я видела их только на картинках.

«Да, это они», – хотела сказать я, но осеклась. К вольеру приближался человек с тележкой в руках. Невысокий, закутанный в брезентовый плащ с головы до ног, он показался мне похожим на резинового гномика, и только когда несуразная фигурка почти поравнялась со мной, я смогла рассмотреть, что это мужчина лет пятидесяти, с азиатской внешностью, а тележка его доверху заполнена всевозможными овощами. Заметив мой любопытный взгляд, мужчина отпустил тачку и ловко закурил.

– Во дает, – проворчал он, выпуская облачко едкого дыма. – Не боится же.

Я вздрогнула. Этого не могло быть. Никто никогда не видел этих детей, кроме меня!

«Гном» мотнул головой в сторону вольера.

– Слониха. Без самца она к кормушке даже не подойдет, а сегодня что-то осмелела. Вот когда у нас ящур свирепствовал...

Дальше я уже не слушала. Меня озаорила потрясающая мысль.

– Варвара Сергеевна. – Я решительно протянула мужчине ладонь. – Инспектор санитарной службы. Мне необходимо сейчас же осмотреть животных. Кажется, у слоненка наблюдаются первые симптомы заболевания!

– Чего? – Служащий недоверчиво тряхнул мою руку. – Какого заболевания?

– Ящура... неужели вы не видите?! Сейчас же идем в вольер!

– Вот уж дудки! – Мужчина глубоко затянулся. – Никуда я с вами не пойду. Не было у слонов дряни этой. Вот покалечат они вас, а я потом отвечай? Сначала директору сообщим, пусть разбирается! Безопасность обеспечивает. А я не дурак! Я раз у них морковь из пайка съел, так...

– Вы что, не понимаете? – вскрикнула я. – У нас совершенно нет времени разводить бюрократические процедуры! Сейчас сюда придут дети, даже, может быть, иностранцы, а если кто-нибудь из них заболеет?! Вы представляете, что нас тогда ждет? Я не стану молчать. На следствии я укажу, кто препятствовал проведению инспекции!

Мужчина сделал шаг назад.

– Ничему я не препятствую... – пробормотал он. – А документы у вас есть?

– Откройте вольер! – строго сказала я. – Мне не раз приходилось работать с такими животными, по сравнению с которыми ваши слоны – безобидные мыши... А потом идем к директору!

Я понимала, что зашла слишком далеко. Но другого выхода у меня не было.

– Как знаете... – Мужчина дрожащей рукой заглушил самокрутку. – Я попробую отвлечь мамку с папкой, а вы быстро осматривайте детеныша и сразу вон. И это... – Он отвел глаза в сторону. – Не подводите под монастырь, ради бога. Мне еще деток поднимать, трое их у меня!

– Делайте свою работу, – я посмотрела ему в лицо, – и все будет хорошо.

Мужчина поднял тележку, мы пошли к служебному входу. Он отпер большую тяжелую дверь, и я почувствовала, как у меня сводит живот от страха.

Мужчина еще раз с сомнением покачал головой. Он закрыл за нами вход на засов и шагнул в вольер. Колеса его тележки тут же потонули в грязи, и служащий с трудом покатил ее в дальний конец загона. Шанго, который снова поднялся на холм, некоторое время наблюдал за маленьким зеленым человечком, затем стал неторопливо спускаться. Кажется, он был сильно озадачен.

Детеныш и его мать по-прежнему топтались под навесом. Девочка была рядом и смотрела на меня. Я помахала ей рукой: «Уходим...».

Девочка кивнула, тронула на прощанье хобот животного и бросилась ко мне.

«Так легко...» – подумала я и ошиблась. Через несколько шагов грязь налипла на ее ботинки, и малышка остановилась. У ребенка не хватало сил идти дальше. Кроха попыталась высвободиться, качнулась и чуть не упала.

– Не двигайся! – крикнула я.

Краем глаза я заметила, как мужчина замер, отпустил тележку и повернулся.

«Давай же, – приказала я себе, – иначе будет поздно!»

В этот момент Шанго яростно затрубил и сменил направление. Его движения были плавными, будто даже неспешными, но я отлично понимала, что это только иллюзия. Страх, скопившийся последние минуты, вдруг улетучился, словно вода с раскаленной поверхности, и я бросилась на помощь ребенку. Человек в плаще что-то закричал, но мне было не до него. Каждая клеточка моего существа трепетала перед огромной черной массой, надвигающейся с неотвратимостью сорвавшегося с горы бульжника. Подбежав к малышке, я схватила ее на руки и кинулась обратно. Поздно! Слон был уже совсем близко. Я зажмурилась и инстинктивно закрыла девочку телом.

Душераздирающий грохот обрушился на нас столь неожиданно, что я даже взвизгнула. Ощущение было таким, будто прямо над головой взорвался котел гигантского паровоза, который тянет Землю через все мировое пространство. На мгновение мне даже показалось, что обломки металла раздавят нас быстрее, чем ноги слона. Однако прошла секунда, вторая, но ничего не произошло. Тогда я открыла глаза.

Шанго стоял в нескольких метрах от нас и ошарашенно крутил головой. Раскаты грома все еще бродили по окрестностям Большой Грузинской улицы, и слон пытался понять, кто посмел тягаться с ним в силе издаваемых звуков. Его тяжелый животный запах мешался с запахом грязи и бил по моим и без того натянутым до предела нервам. Не дожидаясь, когда зверь придет в себя, я бросилась к воротам...

20

Карл отмахнулся от деловито рыскавшей по камере мухи и проворчал:

– Иногда мне кажется, что эти твари продают души охранникам, чтобы попасть в камеру.

Как вы думаете, Варвара, есть у мух душа?

Я пожала плечами:

– По-моему, никакой души нет в принципе. Это же мракобесие!

Карл хмыкнул.

– Может быть, может быть... А вы никогда не задумывались, почему другие люди не видят ваших бедолаг? Ведь дети явно не были бестелесными духами. Они чувствовали холод, их одежда мокла под дождем, их ручки осызали тела других существ. Как вы объясняли эти странности самой себе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.